

Чурляев Михаил Алексеевич

РАЗДЕЛЬНОСТЬ НАПИСАНИЯ СЛОВ КАК ЭЛЕМЕНТ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ НОРМЫ

Статья на примере русского, английского и немецкого языков раскрывает понятие "орфографического слова", которое представляет собой способ обозначения слов и грамматических категорий языка посредством письменности в соответствии с принятыми нормами графики и орфографии. Автор рассматривает принятые на письме границы слова и их роль как в контексте выражения орфографических принципов, так и потенциальной возможности влияния орфографической нормы на типологическую классификацию языка в целом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/6-3/46.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(60): в 3-х ч. Ч. 3. С. 155-159. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/6-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

MODELING THE POSSIBLE WORLD IN THE LETTER TO FUTURE IN THE ENGLISH INTERNET-COMMUNICATION

Chesnokova Irina Anatol'evna
National Research Tomsk Polytechnic University
Irinka741@yandex.ru

The article examines the new type of epistolary genre – self-addressed letter to future functioning in the Internet. As one of the key functions of such a letter the author identifies prognostic function. According to the researcher, the coefficient of the possible world's ontological availability increases within the following modality range: modality of reality – modality of imperativeness – modality of irreality – modality of hope.

Key words and phrases: possible world; letter to future; auto-communication; ontological availability; category of modality.

УДК 8; 81'44

Статья на примере русского, английского и немецкого языков раскрывает понятие «орфографического слова», которое представляет собой способ обозначения слов и грамматических категорий языка посредством письменности в соответствии с принятыми нормами графики и орфографии. Автор рассматривает принятые на письме границы слова и их роль как в контексте выражения орфографических принципов, так и потенциальной возможности влияния орфографической нормы на типологическую классификацию языка в целом.

Ключевые слова и фразы: орфография; орфографическая норма; орфографическое слово; словоформа; синтетизм; аналитизм.

Чурляев Михаил Алексеевич
Московский городской педагогический университет
maledictus6@yandex.ru

РАЗДЕЛЬНОСТЬ НАПИСАНИЯ СЛОВ КАК ЭЛЕМЕНТ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ НОРМЫ

Орфография как раздел лингвистики стоит особняком по причине искусственного, конвенционального характера собственной природы и вторичности по отношению к другим уровням языка. Назначение орфографии – системно фиксировать слова языка в письменной (графической) форме.

Тем не менее одной из фундаментальных проблем в лингвистике является обилие совершенно различных интерпретаций понятия «слово» и невозможность установления его точных границ. В частности, А. Е. Кибрик высказывает замечание, что «в лингвистике давно уже испытывается острая неудовлетворенность из-за отсутствия определений самых необходимых, самых обиходных понятий, начиная с понятия “язык” и кончая понятиями “предложение” и “слово”» [10, с. 16]. Неоднозначность определения самого понятия «слово», в свою очередь, способна создавать последующие затруднения при взаимодействии с терминами и системами, отталкивающимися от данного понятия, одной из упомянутых систем и является орфография.

Орфография (от греч. ὀρθός – правильный и γράφειν – пишу) – это система правил, устанавливающая единообразное написание слов и их форм [8, с. 4].

Графика – инвентарь графических средств языка и система соотнесения графических средств с единицей звучания [11, с. 256].

Орфографическая норма – соответствие использованных букв системе правил; может рассматриваться со стороны:

- *объективных* факторов (соотношение «язык – письмо»);
- *субъективных* факторов (рефлексия носителей языка) [21, с. 76].

Согласно В. М. Алпатову, «в античности слово являлось первичной и по сути неопределяемой единицей анализа. Критерии членения текста на слова не были выработаны не только в античной и средневековой европейской традиции, но и в выросшей из нее языковедной науке вплоть до начала XX в.» [1, с. 33].

В. А. Кочергина выделяет понятие «орфографического слова», соотносящегося с «интуитивным членением текста», которое, по её мнению, «лежит вне каких-либо поставленных лингвистикой задач» [12, с. 82]. Например, древнеанглийские письменные тексты были склонны к написанию предлога слитно с последующим словом, а древнерусские не использовали пробелов вовсе.

Письменность возникла существенно позднее формирования устной речи и, не смотря на её огромную роль и незаменимый вклад в культурологическом плане, совершенно *необязательна* для функционирования языка как такового. До сих пор существуют и бесписьменные языки [13, с. 96]. В этой связи можно утверждать, что графический уровень языка – сугубо вторичен. Отсутствие у некоего бесписьменного языка орфографии не подразумевает отсутствия в этом языке фонем, морфем, слофовоформ, предложений.

Тем не менее уместно заметить, что письмо служит для графического и орфографического отображения языка и, соответственно, фиксирует происходящие в языке процессы грамматического характера. Разнообразные письменные источники являются наиболее распространённым материалом для анализа со стороны лингвистов, и в этом отношении «орфографическое слово» невольно становится объектом оценки при изучении первичных уровней языка, таких как морфология и синтаксис, а потому эти письменные источники систематизируются со стороны *типологических критериев слова*, представленных, например, у В. М. Аракина:

- 1) *функциональный*;
- 2) *формальный*;
- 3) *семантический* [2, с. 96].

Следует отметить, что письмо – это не обязательно просто звуковое отображение речи, как это считалось многими исследователями ещё в начале XX в. [17, с. 31]. При отсутствии строгих орфографических правил текст действительно саморегулируется на уровне графики, путём пофонемного сопоставления живого звучания с буквами-графемами. Таким образом, текст выполняет скорее транскрипционную функцию, «знание слов на письме шло от знания слов как речи» [29, р. 48]. Например, в древнеанглийском существительное *wig* (*священное место*) могло также быть написанным как *weoh* – причём, по утверждению М. Атертона, один и тот же писец мог написать одно и то же повторяющееся в тексте слово совершенно по-разному просто разнообразия ради [23, р. 103]. Вопрос пробелов и раздельности написания слов – в данном случае тоже вопрос графики.

Но при наличии орфографических правил письмо способно также задействовать и свой набор принципов, в частности, для выражения определённых грамматических показателей.

Принципы орфографии условно делятся на:

- *морфологический принцип* – одинаковое отображение морфем на письме, в ущерб реальному фонетическому звучанию. Примеры: *отпуск* – [*отпущк*], *отбой* – [*адбой*];
- *фонетический принцип* – написание слов в соответствии с их звучанием. Примеры: *возразить* – *воспитать*;
- *традиционный принцип* – написание, не оправданное ни фонетически, ни морфологически, и которое возможно только запомнить. Примеры: *праздник*, *интеллигент* [8, с. 4; 32, р. 2].

Т. М. Николаева выделяет в качестве *единиц орфографии* («единиц письменной речи») буквы и слова [16, с. 78]. В качестве *единиц графики* П. Сгалл выделяет буквы и пробел [32, р. 7]. Но корректнее было бы *причислить пробел также и к единицам орфографии*, так как мы можем наблюдать участие небуквенных символов, таких как *пробел* и *дефис*, не только в фонетике, но в выражении морфологического и традиционного принципов орфографии.

Морфологический принцип орфографии, например, способен выражаться через пробел, используемый как способ письменной частеречной дифференциации: *недаром* – *не даром* (*а за деньги*); *ввиду* – *в виду* (*города*).

В немецком языке отсутствие орфографических пробелов между группой лишённых словоизменения существительных и/или зависимых от них слов образует одно так называемое «квазислово» [9, с. 178]. Здесь слитность написания – один из формальных маркеров, делящих слова по частеречному принципу: предшествующее главному слову, написанное отдельно и с маленькой буквы, считается прилагательным и словоизменяется (например, *der toter Winkel* – *des toten Winkelns* / *мёртвый угол* – *мёртвого угла*), в то время как слитно написанные слова уже воспринимаются как единое целое существительное (*der Totenkopf* – *des Totenkopfs* / *мёртвая голова* – *мёртвой головы*). С другой стороны, даже такие раздельные написания прилагательного и существительного с чёткими формальными критериями разделения имеют склонность сливаться вместе, теряя свою способность к словоизменению, в составе более крупного существительного-«квазислова», например: *das Toterwinkelspiegel* (*зеркало мёртвого угла*).

Пробел, как проявление традиционного принципа орфографии, можно, например, встретить в некоторых фразеомах русского языка: антропонимы *Сан Саныч*, *Пал Палыч*, *Михал Михалыч*, где словоизменению подвержены только части *Саныч*, *Палыч*, *Михалыч* соответственно. В английском пробелы также способны входить в состав устойчивых словосочетаний, функционирующих как единое слово. Так, например, *in spite of* (*вопреки*) на письме состоит из трёх «орфографических слов» (предлог + существительное + предлог), но по смыслу представляет из себя одно слово-предлог.

В отличие от морфологического принципа, написание по традиционному принципу хоть и стабильно, но более бессистемно и ориентировано в основном на запоминание устоявшихся написаний – так, например, *black board* (*учительская доска*) (прилагательное + существительное) обозначает одно существительное, но пишется раздельно в два слова – в то время как *billboard* (*рекламный щит*) считается одним словом и пишется слитно. По мнению некоторых исследователей, орфография английского языка «глубинна» вплоть до некоторой степени *логографичности* слов [31, р. 110]. В этом отношении недедуктируемая раздельность/слитность написания – это такая же особенность английской орфографии, как и сложность предугадать звучание некоторых английских слов по их написанию, без знания собственно их транскрипции.

Помимо пробела для смыслового разделения или объединения групп слов в орфографии может быть задействован и *дефис*. Так, например, в английском дефис активно, системно и продуктивно используется как проявление морфологического принципа в орфографии для выделения и облегчения прочтения инкорпоративных конструкций (особых автономных сочетаний существительного и глагола) в составе предложений: *A devil-may-care attitude* (*безответственное отношение*).

В русском дефис может как разделять слова (например, такая тенденция есть у сложных прилагательных: *горно(-артиллерийский* [15, с. 4]), так и способствовать смысловому объединению двух существительных в единый, семантически неразложимый концепт, хотя при этом они не утрачивают своей способности к словоизменению: например, *меч-кладенец, енот-полоскун, Человек-Паук*.

Как проявление традиционного принципа в орфографии русского языка, встречаются немногочисленные непродуктивные устойчивые словосочетания, лишённые словоизменения, выражающие одно существительное и пишущиеся через дефис: *жар-птица, мать-и-мачеха, перекаати-поле*.

В немецком языке дефис системно маркирует в тексте опуск повторяющейся части немецкого «квазислова», например, *die Mohn- und Hanfgärten* (*сады мака и конопля*). Также он используется в отношении тех «квазислов», которые содержат в себе особые элементы орфографии, вроде аббревиатур, соединительных союзов и имён собственных. Например, *der LSD-Erfinder* (*первооткрыватель ЛСД*) или *ein Jekyll-und-Hyde-Szene* (*сцена Джеркилла и Хайда*).

Таким образом, наглядно видно, что словоразделение входит в рамки орфографии в качестве элемента общей системы правил написания, и соответственно, пробел и дефис как словоразделительные знаковые обозначения задействуются для обеспечения на письме различных принципов орфографии.

Восприятие «орфографического слова», являющегося «результатом интуитивного членения текста», как непосредственно того самого «слова» в качестве единицы языка поднимает вопрос и о возможности контаминации орфографическими нормами типологических представлений о языке. Вопрос, который является крайне актуальным – является ли зависимость письма от языка односторонней? Насколько типологическая классификация зависит от орфографической нормы?

По наблюдениям Ю. В. Уткина, искажения в орфографической норме уже сами по себе способны порождать изменения в лексике, морфологии и словообразовании [20, с. 139].

Л. Кац и Р. Фрост выдвигают *гипотезу глубины орфографии*, отмечая существенную глубину расхождения в написании слов и живой речи в языках с традиционным принципом письменности [28, р. 70]. Таким образом, письменность может сама по себе выражать грамматические и семантические смысловоразличительные категории, которые отсутствуют в живой речи.

В. М. Жирмунский писал, что «изолированное изучение разных европейских языков фактически привело к тому, что совершенно тождественные явления, существующие в разных языках, нередко называются разными терминами и интерпретируются по-разному не потому, что они объективно различны, но потому, что различны точки зрения исследователей, и потому, что эти исследователи работают без оглядки друг на друга» [4, с. 84].

Подобные тенденции могут быть наглядно видны при сопоставлении английского и немецкого языков. Наглядный пример различного подхода в описании одного и того же грамматического явления по причине раздельности и слитности написания слова встаёт при рассмотрении немецких «квазислов» [9, с. 178] и английского «*noun phrase*» [3, с. 14].

В. Б. Касевич именуется немецкие сложные слова «квазисловами» на основе таких примеров, как *Orientalische Literaturzeitung*, где *Orientalische*, по мнению Касевича, относится только к *Literatur-*, что демонстрирует скорее синтаксический характер отношений в слове *Literaturzeitung* [9, с. 178]. С другой стороны, слитность подобного написания слов побуждает воспринимать это как одну единую словоформу, являющуюся объектом изучения морфологии.

Вяч. Вс. Иванов демонстрирует допустимость в немецком языке образования очень длинных сочетаний на примере цитаты из Гёте: «*Fettbauch-Krummbein-Schelm*», что переводится на русский только как *жирнобрюхие кривоногие мошенники*, но, по его же словам, никак не одним словом типа «*жирнобрюшнокривоножножулье*» [7, с. 43].

Согласно А. Л. Зеленецкому, «особую проблему для типологии языка составляет соотношение в нем *изолирования* и *аналитизма*», актуальное для всех германских языков и английского в особенности [5, с. 21].

В английском отмечается способность многих слов к конверсии [4, с. 138] и весьма легко и органично построение методом конверсии подобных конструктов: *fat-belly bowleg scum*. Как можно наблюдать, разница с приведённым выше немецким примером заключается лишь в орфографической норме, а именно в знаках пробела и дефиса между словами. В обоих случаях это цельный, неразрывный и лишённый словоизменения комплекс. Тем не менее если в случае с немецким языком подобное «квазислово» рассматривается как одно сложное (или композитное) слово, как «морфологическое сложение» [14, с. 131-132] (т.е. в рамках одной *словоформы*), то в английском подобное характеризуется как *noun phrase* (именная фраза) и рассматривается уже в области синтаксиса [3, с. 14].

Одновременно с этим в английском встречаются и слитно написанные сложные слова, не сочетающие в себе больше двух корней: *football* (*футбол*), *airport* (*аэропорт*), *billboard* (*рекламный щит*). Но в то же время встречаются и сложные слова с раздельным написанием: *black board* (*учительская доска*), *school bus* (*школьный автобус*). При этом какого-либо чёткого орфографического или грамматического критерия в английском языке, обуславливающего слитность/раздельность написания нет.

В. М. Жирмунский на примере различных агглютинативных языков демонстрирует размытость границ между сложным словом и словосочетанием, наблюдаемую, если слова в своей изначальной форме не обладают какими-либо обязательными словоизменительными аффиксами [4, с. 196].

Таким образом, стоит подчеркнуть, что *орфографическая норма не всегда является однозначным отображением грамматических категорий языка*. Одно и то же грамматическое явление в различных языках

может быть выражено по-разному и, как следствие, рассмотрено по-разному – вплоть до соотнесения одних и тех же явлений с разными уровнями языка по причине особенностей *орфографической нормы*.

Целесообразно в данном отношении рассматривать понятие «слова» как *словоформы*. В. А. Плунгян характеризует словоформу как «морфемный комплекс, между составными частями которого существуют особенно тесные связи – на порядок более тесные, чем между самими этими комплексами (т.е. между отдельными словоформами)» [19, с. 18] и вскользь приводит случаи в русском языке, когда словоформа превышает границы «*орфографического слова*» – например, раздельное написание «транскатегориального аффикса» не с глаголами [Там же, с. 27].

Сходство функций служебных слов со служебными аффиксами подметил ещё Л. В. Щерба, замечая, что «формальный признак» предлога – это «управление падежом» [22]. Б. Е. Зернов причисляет в английском языке к частям речи некоторые единицы, формально превышающие слово. Например, полная интеграция слов: *forget-me-not* (*незабудка*), *in spite of* (*вопреки*); аналитические формы: *has been reading* (*читал*) [6, с. 42].

Аналитические конструкции определяются В. М. Жирмунским как «сочетания слов служебного и знаменательного, в которых служебное слово, самостоятельно или вместе с аффиксом знаменательного, выражает грамматическое значение знаменательного слова и тем самым всей конструкции в целом». К проявлению *аналитизма* в языке Жирмунский относит в том числе и *предложные конструкции*: *of my father* (*моего отца*); *in der Stadt* (*в городе*) [4, с. 85].

А. Л. Зеленецкий выражает мысль, что «передача грамматических значений посредством служебных слов <...> требует уточнения критериев морфологической классификации в связи с наличием или отсутствием в языке грамматических категорий и, следовательно, того или иного – пусть и аналитического – типа словоизменения» [5, с. 21].

Вопрос, являются ли служебные части речи отдельными частями речи или же частью единой *словоформы*, является ключевым в плане соотнесения их с конкретным уровнем языка – *синтаксисом* или *морфологией*, поскольку объектом изучения морфологии являются *морфемы* и *словоформа*, а объектом изучения синтаксиса – *словоформы* и *предложение*. Опора же на орфографическую норму в этом вопросе может давать *совершенно разную интерпретацию типологической классификации языка*.

В частности, от принятия или непринятия «*орфографического слова*» за критерий границы слов в английском языке зависит и вопрос наличия или рудиментарности в английском языке словоизменения, отсутствие которого является одним из критериев *изолированного* типа языка. Например, идея наличия аналитических форм падежей у существительных, выдвинутая Дж. Курмом [24, р. 110], встречает в качестве основного контраргумента именно противоречие орфографической норме, предполагающей раздельное написание знаменательной морфемы и форманта, выражающего падежные отношения словоформы, в состав которой входит эта знаменательная морфема. Так, например, Е. С. Петрова заявляет, что такой подход «размывает границу между сочетанием слов и *аналитической формой слова*» [18, с. 157].

Однако грань между морфологией и синтаксисом и так достаточно зыбкая. В агглютинативных языках отмечается такое достаточно обыденное явление, как *групповой* (или *агглютинативный*) *аффикс* [9, с. 156; 19, с. 34]. В этом отношении способность предлога в английском (и не только английском) языке относиться сразу к нескольким однородным словам (например, *of black boards and billboards* – *классных досок и рекламных щитов*) может восприниматься как проявление *агглютинативного* типа в языке. Также выше уже было упомянуто про размытость границ между сложным словом и словосочетанием в агглютинативных языках.

Наконец, вопрос соотнесения раздельности написания слов и орфографической нормы плавно подводит нас к рассмотрению понятий *синтетизма* и *аналитизма* как таковых.

Синтетизм – определяется как типологическая черта языковой структуры, состоящая в объединении в пределах одного слова нескольких морфем (лексических, словообразовательных, словоизменяемых) [27].

Аналитизм – как противопоставляемое *синтетизму* типологическое свойство, проявляющееся в раздельном выражении основного (лексического) и дополнительного (грамматического, словообразовательного) значений слова [26].

При этом в свете вышесказанного невозможно не отметить некоторую арбитрарность подобной классификации. М. Хаспельмат замечает, что сопоставление аналитизма/синтетизма легко описать и определить, но лишь *когда оговорены границы словоформ* [15; 25]. А. Пиркола отмечает, что отсутствие границ слов в письменности некоторых языков создаёт ощутимые проблемы для индексации их по методу Гринберга, так как сегментация текста может быть осуществлена *более чем одним способом*, в зависимости от учтённых факторов [30, р. 335].

Таким образом, можно сделать следующий вывод: *категория синтетизма/аналитизма – отображает не типологическое свойство языка, а орфографические средства его выражения*. Соответственно, типологическая классификация по синтетизму/аналитизму – это критерий орфографии, а не самого языка.

Орфографическая норма языка, будучи вторичным и необязательным сопутствующим атрибутом языка, является не только средством фиксации языка на письме, но и оказывает прямое и косвенное влияние на типологическую классификацию. Понятие «орфографического слова» как единицы орфографической нормы нередко не соответствует «словоформе» и подменяет её собой в восприятии как простых обывателей, так и лингвистов, что приводит к широкой и неоднозначной интерпретации одних и тех же грамматических явлений, происходящих в разных языках, и порождает различные интерпретации самой типологической классификации языка.

Список литературы

1. Алпатов В. М. История лингвистических учений: учеб. пособие. 4-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2005. 368 с.
2. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков: учеб. пособие. 3-е изд. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. 232 с.
3. Емельянова О. В., Зеленщиков А. В., Петрова Е. С. и др. A New University English Grammar (Грамматика современного английского языка). СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Изд. центр «Академия», 2003. 640 с.
4. Жирмунский В. М. Избранные труды. Общее и германское языкознание. Л.: Наука, 1976. 692 с.
5. Зеленецкий А. Л. Сравнительная типология основных европейских языков. М.: Издательский центр «Академия», 2004. 252 с.
6. Зернов Б. Е. Взаимодействие частей речи в английском языке: статико-динамический аспект. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 126 с.
7. Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М.: Языки славянской культуры, 2004. 208 с.
8. Кайдалова А. И. Современная русская орфография. 4-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1983. 240 с.
9. Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. 320 с.
10. Кибрик А. Е. Проблема синтаксических отношений в универсальной грамматике // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 11. С. 5-36.
11. Князев С. В., Пожарицкая С. К. Современный русский литературный язык: фонетика, орфоэпия, графика и орфография: учеб. пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2011. 430 с.
12. Кочергина В. А. Введение в языкознание. Основы фонетики-фонологии. Грамматика: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1991. 205 с.
13. Мельчук И. А. Курс общей морфологии: в 5-ти т. М.: Языки русской культуры; Вена: Венский славистический альманах, 2001. Т. 4. 584 с.
14. Мечковская Н. Б. Общее языкознание: структурная и социальная типология языков: учеб. пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей. 2-е изд. М.: Флинта; Наука, 2001. 312 с.
15. Нечаева И. В. Орфографическая кодификация сегодня и коллегиальность нормативных решений [Электронный ресурс]. 9 с. URL: <http://www.ruslang.ru/doc/nechaeva2012a.pdf> (дата обращения: 25.04.2016).
16. Николаева Т. М. Письменная речь и специфика её изучения // Вопросы языкознания. 1961. № 3. С. 78-86.
17. Пережогина Т. А. Аспекты изучения проблемы соотношения устной и письменной речи // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2005. № 4. С. 29-32.
18. Петрова Е. С. Сопоставительная типология английского и русского языков. Грамматика: учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Изд. центр «Академия», 2011. 368 с.
19. Плунгян В. А. Общая морфология: введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 384 с.
20. Уткин Ю. В. Эрратография: аспекты изучения // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 37. С. 136-139.
21. Харченко С. Ю. О факторах, влияющих на становление орфографической нормы в русском языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2005. № 4. С. 76-80.
22. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/shcherba-74d.htm> (дата обращения 25.04.2016).
23. Atherton M. Teach Yourself: Complete Old English (Anglo-Saxon). Hodder Education, 2010. 342 p.
24. Curme G. A Grammar of the English Language. Parts of Speech and Accidence. Boston: D. C. Heath and Company, 1935. 425 p.
25. Haspelmath M. An Empirical Test of the Agglutination Hypothesis // Studies in Natural Language and Linguistic Theory. 2009. № 76. P. 13-29.
26. <http://tapemark.narod.ru/les/031d.html> (дата обращения 25.04.2016).
27. <http://tapemark.narod.ru/les/451a.html> (дата обращения 25.04.2016).
28. Katz L., Frost R. The Reading Process is Different for Different Orthographies: The Orthographic Depth Hypothesis // Orthography, Phonology, Morphology, and Meaning / R. Frost and L. Katz (Editors). Ekevier Science Publishers, 1992. P. 67-84.
29. Kress G. Literacy in the New Media Age. The Cromwell Press, 2003. 171 p.
30. Pirkola A. Morphological Typology of Languages for IR // Journal of Documentation. 2001. № 57. P. 330-348.
31. Sebba M. Spelling and Society: The Culture and Politics of Orthography around the World. Cambridge University Press, 2007. 190 p.
32. Sgall P. Towards a Theory of Phonemic Orthography // Orthography and Phonology / edited by Philip A. Luelsdorff. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1987. P. 1-30.

SEPARATE SPELLING OF WORDS AS AN ELEMENT OF THE ORTHOGRAPHIC NORM

Churlyayev Mikhail Alekseevich
 Moscow City Pedagogical University
 maledictus6@yandex.ru

The article by the example of the Russian, English and German languages reveals the concept of an "orthographic word", which is a way to denote words and grammatical categories of language through writing in accordance with the accepted norms of graphics and orthography. The author considers accepted in writing word boundaries and their role both in the context of orthographic principles expression and the potential possibility of influence of the orthographic norm on the typological classification of languages in general.

Key words and phrases: orthography; orthographic norm; orthographic word; word form; synthetism; analytism.